
Ливия Норвейн
Отвергнутая жена.
Наследство
Волчьего короля

Ливия Норвейн

Отвергнутая жена. Наследство волчьего короля

«Автор»
2026

Норвейн Л.

Отвергнутая жена. Наследство волчьего короля / Л. Норвейн — «Автор», 2026

Пятнадцать лет назад Дарен уверял, что ему не нужна истинная, ведь жену он уже выбрал. А в день нашей свадебной годовщины вернулся домой с серебряной меткой на запястье и готовым соглашением о разводе.Вместо семейного поместья мне достались разоренные северные земли, полуразрушенная крепость и огромный долг.Именно там я встретила Роана Хальда — сурового, притягательного мужчину, которого девять лет назад лишили короны и звериной ипостаси. Рядом с ним я постепенно забывала о предательстве и вновь училась доверять собственному сердцу.Но древние стены Черного Клыка хранили наследство первого волчьего короля и страшную тайну, способную погубить моего бывшего супруга.Теперь Дарен готов вернуть мне прежнюю жизнь, если я откажусь от наследства и стану его женой.Вот только король без короны сумел дать мне гораздо больше, чем муж, которому я посвятила пятнадцать лет.

© Норвейн Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пятнадцатая осень 5
Глава 2. Дорога через вереск 14
Глава 3. Безлунные волки 25
Глава 4. Под каменными сводами 36
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Ливия Норвейн
Отвергнутая жена.
Наследство волчьего короля

Глава 1. Пятнадцатая осень

К годовщине нашей свадьбы на кухне всегда пекли пирог с брусникой. Дарен не любил сладкого, зато именно такой пирог мог съесть едва ли не целиком, а потом уверял, что половину украла я. Эта шутка появилась в первый год нашего брака и с тех пор благополучно пережила смену трех поваров, переезд в большой дом и даже войну. В ту осень Марта решила, что пятнадцатая годовщина заслуживает двух пирогов, и с самого утра спорила с садовником из-за последних яблок.

— Положи в другой орехи, — посоветовала я, застав ее над корзиной с брусникой. — Яблоки оставь детям конюха. Они вчера столько натаскали дров, что заслужили угощение получше сушеных корок.

— Орехи господин велел больше не класть в выпечку. В Хольмгарде, говорит, нынче принято подавать к мясу соленые.

— В Хольмгарде пусть делают с орехами что угодно, а у нас сегодня годовщина свадьбы.

Марта удовлетворенно кивнула. Она заведовала кухней еще до того, как я стала госпожой Вельд, и некоторые распоряжения своего господина предпочитала обсуждать со мной, прежде чем исполнять. Я задержалась у стола, помогла ей выбрать из ягод сухие листья и только потом поднялась к себе. До приезда гостей оставалось несколько часов. Дарена ждали к полудню: он уехал в столицу еще в начале недели, но обещал вернуться вовремя.

На туалетном столике лежала небольшая коробочка из темного дерева. Внутри, на лоскуте синего бархата, покоилась серебряная застежка с волчьей головой. Когда Дарен ухаживал за мной, он носил ее на своем единственном приличном плаще. Потом, уже женившись, сломал застежку на охоте. Я нашла ее прошлой зимой в сундуке со старыми вещами и отдала мастеру. Тот долго ворчал, что проще изготовить новую, но я настояла на том, чтобы он сохранил неровность на левом ухе волка. Именно там Дарен когда-то зацепился плащом за изгородь в саду моего отца. Ему пришлось перелезать через ограду, потому что ворота уже заперли, а оставлять меня без прощального поцелуя он считал совершенно невозможным.

В тридцать шесть лет мне по-прежнему доставляло удовольствие готовить мужу подарки, хотя теперь его было трудно удивить покупной вещью. За последние годы Дарен обзавелся прекрасным оружием, породистыми лошадьми и одеждой, которую шили лучшие портные столицы. Ему все чаще дарили вещи, положенные человеку его звания. Мне хотелось подарить что-нибудь тому Дарену, которого я знала еще до всех этих почестей.

Я успела уложить волосы, когда во дворе загремели колеса. От окна хорошо просматривались ворота, и я увидела наш дорожный экипаж, двух всадников из родовой охраны и мужа, который вышел прежде, чем лакей успел подставить ступеньку. Дарен помахал кому-то у конюшни, снял перчатки и направился к дому.

Я взяла коробочку и пошла ему навстречу. Он остановился у подножия лестницы, подождал, пока я спущусь, и поцеловал меня в щеку. От его дорожного плаща пахло холодом, кожей и какими-то цветочными духами. Запах был едва уловимым. Я бы, наверное, и не обратила на него внимания, если бы Дарен не отстранился так поспешно, словно опасался, что я испачкаю светлое платье о его одежду.

— Ты как раз вовремя. Вечером будут Вейны, старый Эгиль обещал привезти жену. И еще я пригласила твою тетку, хотя она опять написала, что у нее больное колено и она не намерена подниматься ни по каким лестницам.

— Ирма, гостей придется отменить.

— Что случилось?

— Поговорим у меня.

Дарен поднял руку, чтобы расстегнуть плащ. Манжета рубашки сдвинулась, обнажив серебристые линии, тонкие, будто отпечаток цепочки. На внутренней стороне запястья они сходились в незамкнутое кольцо. Я перехватила его за руку.

— Дарен?

Он посмотрел на запястье и медленно высвободил пальцы.

В нашем мире трудно было дожить до зрелого возраста и ни разу не увидеть метку истинности. Такие союзы встречались нечасто, но семьи охотно выставляли их напоказ. Я помнила, как двоюродная сестра целую неделю ходила с подвернутыми рукавами, позволяя всем любоваться серебряным узором. После разлуки с избранником метка постепенно угасала. Стоило им вновь встретиться, как она проступала на коже.

На нашем с Дареном свадебном обряде серебро не появилось. Я тогда отшутилась, что мне и без знаков достаточно знать, за кого я выхожу замуж. Дарен ответил, что боги могут оставить свои заботы при себе, поскольку жену он уже выбрал.

— Кто она? — спросила я.

В холле находились двое слуг. Один держал дорожную сумку, другой собирал плащ и перчатки господина. Оба внезапно заинтересовались каменными плитами под ногами.

— Пойдем в кабинет, — повторил Дарен.

Я едва не потребовала ответа прямо на лестнице. Еще надеялась, что Дарен сумеет объяснить увиденное и мне останется только посмеяться над собственным испугом. Но Дарен уже шел по коридору, а слуги старательно освобождали ему дорогу. Я последовала за ним, все еще сжимая в руке приготовленный подарок.

В кабинете горел огонь. На столе стояла бутылка вина, которую муж обычно велел подавать к ужину, если возвращался из долгой поездки. Дарен налил себе немного, предложил мне. Я отказалась.

— Ее зовут Лиана Терв. Ты, вероятно, знакома с ее отцом.

— С ней самой тоже. Зимой она гостила у своей тетки в Хольмгарде. Мы сидели рядом за ужином у советника Орма.

Дарен слегка нахмурился, словно это обстоятельство мешало заранее обдуманному разговору.

— Мы встретились в начале лета. Я не ожидал, что со мной такое произойдет.

— В начале лета, — повторила я. — Сейчас конец сентября.

— Да.

Я поставила коробочку на край стола. Кажется, только тогда Дарен заметил, что я принесла ее с собой. Он хотел спросить, что там, но передумал.

— Ты ведь понимаешь, что такое истинная связь, Ирма? Ни я, ни она не искали ее намеренно.

— Я прекрасно понимаю, что это такое. Ты спал с ней?

За все пятнадцать лет я ни разу не задавала ему подобного вопроса. Дарен, очевидно, тоже не ожидал услышать его в такой прямой форме. Он отпил вина и сел, указав мне на кресло по другую сторону стола.

— Не думаю, что нам стоит обсуждать подробности.

— А мне кажется, стоит. Я твоя жена. По крайней мере, сегодня утром еще была ею.

— Да, у нас были отношения.

В камине осело полено. Я смотрела на разошедшиеся угли и пыталась вспомнить, где находился Дарен в начале лета. В июне он дважды ездил в столицу. В июле мы принимали его двоюродного брата с семьей, и муж на четыре дня покинул дом, сославшись на дела в Совете. В августе я заказала ему новые рубашки. Он жаловался, что старые стали тесны в плечах, а столичный портной слишком занят. Мы вместе выбирали ткань, и Дарен долго не мог решить, какие пуговицы поставить на манжеты.

Мелочи вспоминались с мучительной отчетливостью. Неужели тогда, сидя рядом со мной в залитой солнцем гостиной, он уже знал, что скоро уйдет?

— Она знала, что ты женат?

— Конечно. Я никогда не скрывал своего семейного положения.

— Как благородно с твоей стороны.

— Ирма, я пришел поговорить спокойно. Это касается всех троих, и мне бы не хотелось, чтобы ты оскорбляла Лиану. Она оказалась в таком же трудном положении, как мы с тобой.

Тут я рассмеялась. Смех вышел некрасивым, почти болезненным, но сдержаться я не сумела.

— Вот как? Тогда, может быть, пригласим ее сюда? На кухне как раз пекут два пирога. Я думала, для наших гостей, а оказывается, у нас совсем другой повод для праздника.

— Перестань, пожалуйста.

Он произнес это устало, как говорил прежде, когда я слишком долго обсуждала какой-нибудь расход по хозяйству. Этот знакомый тон подействовал на меня сильнее, чем все его признания. Дарен уже тяготился разговором, к которому я только начала подбирать слова.

— Чего ты от меня хочешь?

— Я намерен расторгнуть наш брак. С Тервами мы обсудили возможность помолвки, но, разумеется, сначала нужно уладить наши дела.

— С Тервами? Сколько человек уже знают о твоем намерении?

— Отец Лианы. Ее мать. Несколько наших общих знакомых. Не вижу смысла теперь это скрывать.

Я опустилась в кресло. Какое-то время мне было трудно даже смотреть на него. Семья Тервов знала. Общие знакомые знали. Возможно, знали люди, с которыми я недавно обедала, выбирала ткани, обсуждала погоду и стоимость зимнего зерна. А я в это время уговаривала серебряных дел мастера не трогать ухо на волчьей застежке.

— Почему ты не сказал мне в июне?

Дарен провел ладонью по подбородку.

— Сначала я надеялся, что чувство пройдет. Потом хотел разобраться в себе. Мне было трудно найти подходящий момент.

— За четыре месяца?

— Мы не чужие люди. Мне вовсе не доставляет удовольствия причинять тебе боль.

Я не сомневалась, что он и в самом деле испытывал неловкость. Дарен никогда не любил неприятных сцен, особенно тех, в которых от него требовали ответа за собственные поступки. Когда у нас возникали разногласия, он предпочитал отложить разговор до лучших времен. Обычно я соглашалась, а позже находила какой-нибудь выход сама. За долгие годы это стало таким привычным порядком вещей, что даже теперь муж, должно быть, рассчитывал на мое содействие.

— А если бы я встретила истинного? — спросила я. — Если бы четыре месяца ездила к нему и каждый раз возвращалась в твою постель? Ты тоже счел бы, что нам всем троим просто не повезло?

— Зачем рассуждать о том, чего не произошло?

— Потому что мне хочется знать, какими правилами мы теперь руководствуемся.

Дарен отставил бокал.

— Я постараюсь, чтобы ты ни в чем не нуждалась. У меня и в мыслях нет оставлять тебя без средств. Ты сможешь жить в доме возле старого парка, если захочешь остаться в Хольмгарде. Там потребуется небольшой ремонт, но я обо всем позабочусь. Ежемесячное содержание будет достойным. Слуг оставишь тех, к которым привыкла.

Он выдвинул ящик стола и достал сложенные листы. На верхнем стояла печать поверенного рода Вельд.

Я протянула руку. Дарен подал мне бумаги с явным облегчением, будто мы наконец дошли до той части разговора, в которой он чувствовал себя уверенно.

Соглашение предусматривало, что после расторжения брака я получу право проживания в столичном доме, принадлежащем роду Вельд. Средства на мое содержание должны были поступать из семейной казны. Сумма выглядела вполне прилично, если не принимать во внимание, что ее размер следовало пересматривать каждые три года по усмотрению главы рода. На последней странице имелся пункт, по которому я отказывалась от дальнейших требований к имуществу, приобретенному за время нашего брака.

Внизу стояла дата составления: документ подготовили больше месяца назад.

Я перечитала последнюю страницу. В тот самый день, когда Дарену принесли эти бумаги, мы ужинали с его старым сослуживцем. Муж расспрашивал меня, сколько обойдется ремонт западного флигеля, и просил не затягивать работы, потому что зимой собирался разместить там гостей.

— Ты уже тогда знал, что я уйду?

— Я хотел предусмотреть разные обстоятельства.

— И все это время мы вместе обсуждали, чем будем заниматься зимой.

— Я не собирался менять твою жизнь прежде, чем мы поговорим.

От его разумных объяснений становилось только хуже. Я положила листы на стол, расправив согнувшийся уголок.

— Я не подпишу это соглашение.

— Прочитай его еще раз, когда успокоишься.

— Я успела прочитать. Дом ты оставляешь себе, деньги тоже, а мне предлагаешь право жить за твой счет, пока тебе это удобно. Если через несколько лет твоя новая жена решит, что я слишком дорого обхожусь семейству, мне придется идти к тебе и просить прибавки.

— Лиана не станет вмешиваться в твое содержание.

— Сегодня ты говоришь так. А год назад утверждал, что любишь меня.

Дарен поднялся. Несколько мгновений он стоял у камина, глядя на огонь. Я знала эту позу: так он обдумывал решение, когда собеседник неожиданно переставал с ним соглашаться.

— И чего же ты хочешь? Половину родовых владений?

— Родовые земли твоего отца мне не принадлежат. Мы оба знаем закон. Но все, что было приобретено в браке, учитывается при разделе имущества. Я хочу, чтобы этим занялся человек, который не получает от тебя жалованье.

Он повернулся ко мне.

— Ты всерьез собираешься судиться со мной?

— Пока собираюсь получить совет.

Подобрав коробочку, я вышла из кабинета. Дарен окликнул меня, но я не остановилась. До лестницы оставалось всего несколько шагов, когда я встретила Марту. Она вытирала руки о передник и хотела узнать, в котором часу подавать праздничный ужин.

— Гостей не будет. Отправьте посыльных ко всем приглашенным, скажите, что семейные обстоятельства вынуждают нас отменить вечер.

Марта взглянула на меня, затем на дверь кабинета.

— Вам нездоровится, госпожа?

— Нет. А пироги раздай людям. Только оставь мне кусочек брусничного.

Я поднялась к себе, сняла нарядное платье и аккуратно повесила его в шкаф. Мне казалось ужасно важным не измять дорогую ткань. Я даже убрала в футляр серьги, застегнула замочек и только потом обнаружила, что плачу. Слезы текли по лицу, капали на руки, а я все никак не могла открыть маленькую коробочку с серебряной застежкой.

В конце концов я села на пол возле кровати и заплакала так, как не плакала со дня смерти матери. Никто не видел меня, и все равно было стыдно за собственную беспомощность. Хотелось, чтобы Дарен поднялся, постучал в дверь, сел рядом и объяснил, что случилось какое-то чудовищное недоразумение. Пусть бы он сказал хоть что-нибудь, позволившее мне еще раз ему поверить.

До вечера он так и не пришел.

Когда в комнате стало совсем темно, Марта принесла мне ужин. Она поставила поднос на маленький стол возле окна, зажгла свечи и принялась поправлять шторы, хотя те и без того висели ровно.

— Господин распорядился приготовить ему комнату в восточном крыле, — сказала она наконец.

— Хорошо. Проследи, чтобы ему отнесли теплое одеяло. Там холодно у наружной стены.

Марта обернулась. Я и сама удивилась своему распоряжению. Несколько часов назад муж признался, что изменял мне, а я продолжала заботиться о том, чтобы он не простудился. В восточном крыле действительно было холодно. Я знала это с той зимы, когда там разместили раненых офицеров и пришлось переносить кровати подальше от окон.

— Впрочем, он сам разберется, — добавила я.

Марта поджала губы, но ничего не сказала. Оставшись одна, я попробовала пирог. Брусника оказалась такой кислой, что я невольно поморщилась. Дарену бы понравилось.

Ночью мне удалось уснуть лишь под утро. В коротком, беспокойном сне я опять оказалась в маленьком доме, где мы жили сразу после свадьбы. Там постоянно сквозило из-под двери, а по крыше в дождливую погоду гремела плохо закрепленная черепица. У нас было немного денег и слишком много планов. Дарен тогда охотно обсуждал со мной любую мелочь, даже то, какой краской выкрасить ставни. Однажды мы до рассвета спорили о том, стоит ли покупать молодую кобылу, а потом оба проспали завтрак.

Я проснулась, потянулась к нему и обнаружила пустую половину кровати. Еще несколько мгновений я лежала совершенно спокойная, пока не вспомнила вчерашний разговор.

Вставать не хотелось, но оставаться в спальне было еще хуже.

Я оделась, позавтракала и велела приготовить экипаж. В небольшом городе к югу от поместья жил мастер Оден, поверенный, который в свое время помогал моему отцу урегулировать наследственные дела. Последний раз мы виделись пять лет назад, когда я продавала доставшийся мне от матери участок земли. Вырученные деньги пошли на восстановление наших с Дареном конюшен после пожара. Теперь я невольно подумала, что следовало бы оставить себе хотя бы часть той суммы.

Оден принял меня без предварительной договоренности. Он заметно постарел, оброс седыми бакенбардами и обзавелся привычкой подносить бумаги почти к самому носу. Выслушав меня, он снял очки и долго протирал их краем жилета.

— Вы намерены препятствовать расторжению брака, госпожа Вельд?

— Нет. Я хочу понять, на что имею право.

— Это разные дела. Господин Вельд может получить развод и без вашего согласия, но тогда вопрос об имуществе будет решаться отдельно. Открытое разбирательство займет время. Понадобятся хозяйственные книги, сведения о покупках, пожалованиях и доходах за все годы брака.

— Большая часть книг велась мной.

— Тем лучше. Вы знаете, что искать.

Он прочитал первый договор, который я предусмотрительно забрала из кабинета Дарена утром, и несколько раз постучал ногтем по последней странице.

— Порядочный доход, весьма непорядочные условия. Возможно, ваш супруг согласится закрепить размер содержания и передать вам дом в собственность. Тогда у вас будет надежное место для жизни.

— А если я захочу уехать из столицы?

— Сдавайте дом. Продавайте, если он будет принадлежать вам. Впрочем, я вижу, вы уже над чем-то раздумываете.

Мне не хотелось жить в Хольмгарде. Именно там собирались устроить свое будущее Дарен и Лиана. Я слишком хорошо знала городскую знать, чтобы надеяться остаться незамеченной. На каждом приеме мне пришлось бы гадать, кто из присутствующих знал об измене моего мужа прежде меня. А в небольшом столичном доме, даже если бы он принадлежал мне, я скоро извелась бы от безделья. Последние пятнадцать лет мне постоянно было чем заняться. Я не представляла, как буду проводить целые дни за вышиванием или визитами к знакомым.

— Я умею управлять землей, мастер Оден. Этим я и хотела бы заниматься дальше.

— Тогда просите владение, которое сможете содержать. И деньги на первое время. Только не позволяйте вашему супругу самому определять цену того, что он вам передает.

Мы просидели над бумагами до полудня. Я назвала имения, приобретенные Дареном после нашей свадьбы, вспомнила несколько крупных покупок и даже приблизительный доход от лесных угодий за последние три года. Оден делал пометки, время от времени задавая вопросы. В конце он предложил связаться с поверенным Дарена от моего имени.

— Вам непременно нужно дать мне знать, если господин Вельд попытается помешать вашему доступу к хозяйственным книгам, — предупредил он, провожая меня к двери. — До подписания соглашения у вас еще есть возможность получить необходимые выписки.

Домой я вернулась к вечеру. Дарен оказался в столовой, где ужинал вместе с управляющим. При моем появлении управляющий немедленно поднялся, а муж попросил его оставить нас одних.

— Мне сообщили, что ты ездила к поверенному.

— Да. Он свяжется с твоими людьми завтра.

— Ирма, мы могли бы договориться без посторонних.

— Мы пытались вчера.

Я села за стол. От запаха тушеного мяса проснулся голод: за последние сутки я почти ничего не ела. Дарен молча подождал, пока слуга наполнит мою тарелку.

— Лиана должна приехать в столицу через неделю, — сказал он. — Я хотел бы к этому времени завершить наши дела.

— Тогда не будем затягивать переговоры.

Я принялась за тушеное мясо. Оно было чуть пересолено. Раньше я непременно нашла бы минуту поговорить с поваром, потому что Дарен терпеть не мог пересоленную пищу. Теперь эта мелочь показалась мне удивительно несущественной.

Следующие три дня мы почти не разговаривали наедине. Наши поверенные обменивались выписками и встречными предложениями, а я собирала личные вещи и передавала управляющему дела, которыми занималась прежде. Он дважды спрашивал, кому теперь следует отдавать на подпись распоряжения о закупках, и оба раза я отправляла его к Дарену.

Первое предложение о передаче земли поступило на третий день. Дарен был готов уступить мне небольшую усадьбу с садом и двумя деревнями. Мастер Оден выяснил, что доход от деревень на долгие годы вперед обещан другому роду в счет старого обязательства. Второе владение оказалось предметом наследственного спора. Я отвергла оба предложения.

Тогда Дарен сам принес мне описание Серых Пределов.

— Ты ведь хотела заниматься хозяйством, — сказал он, развернув на столе карту. — Здесь земли больше, чем ты сможешь обойти за неделю.

Я знала это название. Во время войны в Серых Пределах находился один из крупнейших северных госпиталей. Дарен получил владение от короны вскоре после окончания военных действий, но, насколько мне было известно, никогда там не бывал после пожалования.

— Почему ты ни разу не говорил о доходах от этих земель?

— Потому что доходов почти нет. Там несколько деревень, лес и старая крепость. Раньше через владение проходила торговая дорога, но после войны северные купцы стали ездить другим путем.

Он показал мне извилистую линию между двумя горными хребтами. В нескольких местах дорога пересекала реку. Если верить карте, объезд действительно должен был отнимать у торговцев немало времени.

— Что с крепостью?

— Часть помещений пригодна для жилья. Остальное требует ремонта. В одном из подземных помещений расположено военное хранилище, но к имуществу владения оно не относится. Распоряжаться им ты не сможешь.

— А жителями?

Дарен пожал плечами.

— Обычные крестьяне, лесорубы, бывшие солдаты. Много тех, кто после войны так и не вернулся в свои роды. На севере таких хватает.

Я забрала карту и отправила ее Одену вместе с предложением Дарена. Ответ пришел на следующее утро. За владением числилась задолженность перед короной в триста шестьдесят серебряных крон. Прежний владелец не выполнил обязательств по содержанию государственной дороги, и накопившиеся сборы следовало погасить либо получить разрешение на их выплату по частям. Если новый собственник не сделает этого в течение шестидесяти дней после передачи земли, казна сможет потребовать принудительной продажи владения. Из вырученных денег сначала покроют задолженность, а остаток отдадут собственнику, если, конечно, что-нибудь останется.

Оден настоятельно советовал мне потребовать денежную компенсацию сверх земли. Одна только крепость могла поглотить за зиму больше средств, чем предполагалось выделить на мое содержание в столице за целый год.

Я попросила сто восемьдесят крон. Дарен согласился на сто пятьдесят, экипаж с парой лошадей и крытую повозку для перевозки имущества. Вторую упряжку он обязался предоставить до доставки вещей в крепость. После очередной встречи поверенных в соглашение внесли также мой личный гардероб, книги, украшения, принадлежавшие мне до брака, и все подаренные мне вещи. За это я отказывалась от дальнейших имущественных требований к нему.

Сумма оставалась небольшой для такого владения. Но помимо нее у меня были собственные сбережения, и, если начать с самого необходимого, мы могли протянуть до первых доходов. Гораздо больше меня тревожило то, что я знала о состоянии Серых Пределов лишь со слов людей, ни один из которых не видел их в последние годы.

— Я обязан спросить еще раз, — сказал Оден, когда мы встретились для окончательного обсуждения соглашения. — Вы уверены, что хотите принять эти земли? Я могу продолжить переговоры. Или подать требование о судебном разделе.

Я посмотрела на карту. Разбирательство могло продлиться несколько месяцев, а то и больше. Дарен обладал достаточным влиянием, чтобы оспорить множество оценок, и мне пришлось бы оплачивать работу поверенного, не имея самостоятельного дохода. Я могла выиграть. Могла и получить меньше, чем рассчитывала.

Серые Пределы были рискованным приобретением, но хотя бы оставляли мне возможность действовать немедленно.

— Будем оформлять, — решила я.

На шестой день после нашей несостоявшейся годовщины мы с Дареном явились в городскую земельную палату. Наш брак был расторгнут в присутствии судьи и двух свидетелей. Нас спросили, добровольно ли мы согласились на условия раздела, остались ли у нас взаимные требования и есть ли дети, чье содержание необходимо определить отдельно.

Детей у нас не было. Когда-то это обстоятельство причиняло мне немало огорчений. Теперь сухой вопрос судьи напомнил о другой несостоявшейся части нашей жизни, о детской комнате, которую я так и не решилась окончательно обставить. Дарен ответил первым. Я подтвердила его слова.

Судья внес запись в книгу, скрепил документы печатью и передал мне свидетельство о расторжении брака. Затем я получила отдельную грамоту на Серые Пределы. У выхода из палаты Дарен задержал меня.

— Ты можешь остаться в поместье еще на несколько недель, пока не подготовишься к поездке.

— Все уже готово.

— На севере сейчас плохие дороги. Может, хотя бы дождешься сухой погоды?

— Осенью? Тогда придется ждать следующего лета.

Дарен улыбнулся моей шутке. На короткое мгновение я увидела его таким, каким он бывал прежде, когда мы возвращались из города, довольные удачно завершенным делом. Мне даже захотелось взять его под руку. От этого желания стало горько.

— Если тебе понадобится помощь, Ирма, пиши мне.

— Надеюсь, что обойдусь.

Он не стал спорить.

Последний вечер в поместье я провела за сборами. Марта помогла уложить дорожное платье и шерстяные чулки. Она тайком добавила в один из сундуков мешочек сушеных яблок, а когда я это заметила, заявила, что на севере наверняка не умеют сушить фрукты как следует.

— Может, поедешь со мной? — спросила я.

Она замерла над сундуком.

— У меня дочь здесь, госпожа. И внуки маленькие. Куда же я от них?

— Конечно. Прости, я совсем забыла.

Мы обнялись. Марта заплакала первой, а я вслед за ней. Она тут же принялась ругать себя за то, что оставляет на моем плече мокрые пятна, и этим сумела меня рассмешить.

Когда сборы закончились, я нашла коробочку с серебряной застежкой. Некоторое время подержала ее на ладони, потом отнесла в кабинет Дарена. Он читал письма. Увидев меня, отложил одно из них.

— Что это?

— Твой подарок к годовщине. Я нашла старую застежку и починила ее.

Дарен открыл коробочку. Провел пальцем по серебряному волчьему уху и удивленно поднял на меня глаза.

— Думал, что давно потерял ее.

— Она лежала в сундуке с твоими старыми плащами.

— Помнишь изгородь у твоего отца?

— Помню.

Он усмехнулся, но улыбка быстро исчезла. Дарен прикрыл коробочку и посмотрел на меня так внимательно, что мне снова захотелось задать ему все вопросы, на которые за прошедшие дни я не получила ответа. Почему именно теперь? Что было не так с нашей жизнью? Разве мы не могли поговорить до того, как в ней появилась другая женщина?

Я уже знала, что он скажет. Дарен снова заговорит об истинности, о неизбежности произошедшего, о том, как тяжело ему далось принятое решение. А я опять потрачу целый вечер, пытаясь отыскать в его объяснениях собственную вину.

— Доброй ночи, Дарен.

Утром, еще до рассвета, во дворе приготовили экипаж и повозку. На кухне пахло свежим хлебом, из конюшни доносился топот лошадей. Я спустилась по знакомой лестнице, передала управляющему последние ключи и попрощалась со слугами, которые успели выйти проводить меня.

Дарен появился на крыльце, когда возница уже собирался трогаться. На нем был домашний шерстяной камзол. Волосы растрепались после сна. Он приподнял руку, и я ответила таким же движением.

Ворота поместья открылись. Экипаж покатился по гравийной дорожке, мимо старых лип, мимо пруда, который мы с Дареном когда-то распорядились выкопать, чтобы летом здесь могли гнездиться утки. На повороте я обернулась и увидела дом в последний раз. В окнах нашей спальни еще горели свечи.

Я долго смотрела на них, пока деревья не заслонили крышу.

На коленях у меня лежала дорожная сумка. В ней хранились деньги, карта северных земель и грамота, в которой впервые за пятнадцать лет мое имя было написано так, как прежде его писал отец: Ирма Ларн.

До Серых Пределов предстояло ехать почти неделю. Я не знала, какой дом меня там ждал и хватит ли у меня денег, чтобы пережить зиму. Впереди, за низкими осенними облаками, тянулись горы.

Я поправила дорожный плащ и попросила возницу прибавить ходу.

Глава 2. Дорога через вереск

На третий день пути я перестала просить возницу ехать быстрее. Чем дальше мы удалялись от Хольмгарда, тем чаще приходилось останавливаться, чтобы осмотреть колеса, поправить поклажу или дать отдых лошадям. Дождь размыл дорогу, а однажды нам пришлось провести почти половину дня в придорожной кузнице, где мастер менял треснувшую ось на крытой повозке.

Возницу звали Тореном. Он служил в поместье Вельдов всего два года, и я обрадовалась, когда выяснилось, что на севере у него живет старшая сестра. Торен согласился остаться у меня на службе, если в новом владении найдется работа и можно будет жить поблизости от сестры. Второй возница, молчаливый пожилой Микк, намеревался вернуться домой, как только доставит мои вещи.

Оба мужчины знали о разводе, однако ни разу не заговорили со мной о Дарене. За эту деликатность я была им благодарна.

В первые дни я занимала себя расчетами. Пересчитала деньги, составила список необходимых покупок и попыталась определить, какую сумму смогу выделить на ремонт крепости. В отдельной тетради записала вопросы к управляющему Серых Пределов, если таковой там еще имелся.

Потом, устав от цифр, принялась рассматривать карту. Дарен утверждал, что прежде через северные земли проходила торговая дорога. Судя по расстояниям между обозначенными на карте поселениями, восстановление этого пути действительно могло заинтересовать купцов.

Однако к вечеру четвертого дня все мои расчеты стали казаться мне чересчур оптимистичными.

Мы остановились на ночлег в городке, приютившемся возле подножия гор. Хозяйка постоялого двора, широколицая женщина с двумя взрослыми дочерьми, принесла мне горячую похлебку и хлеб, в котором оказалось больше отрубей, чем муки.

Услышав от Торена, куда мы направлялись, она заинтересовалась нашей поездкой.

— В Черный Клык? На зиму глядя?

— Именно туда.

— Родственники у вас там, что ли?

— Нет. Я приобрела эти земли.

Женщина поставила на стол кувшин с подогретым ягодным напитком и посмотрела на меня с таким откровенным сочувствием, что мне захотелось немедленно попросить ее объясниться.

— Дорога там совсем плохая, госпожа. Весной вода мост унесла. Местные кое-как восстановили переправу, но тяжелые повозки через нее лучше не гонять.

— А другой путь есть?

— Есть, только придется возвращаться и обходить горы. Лишних три дня, если погода позволит. Наши торговцы давно туда не ездят.

— Почему?

— Торговать не с кем. У людей денег нет. Лес там хороший, да как его вывезти? А зимой, говорят, волки из дальних родовых угодий спускаются. Чужие.

Последнее слово она произнесла с особенным неудовольствием.

У оборотней существовали строгие правила охоты на чужой территории. Даже во время голодной зимы полагалось договариваться с владельцем земель, прежде чем заходить на его угодья. Нарушение границ нередко становилось причиной серьезных столкновений между родами.

— Неужели никто не следит за порядком?

— Следят тамошние мужчины. Как могут.

Хозяйка помедлила, потом наклонилась ко мне.

— Только вы, госпожа, не обижайтесь, если скажу. Народ в Серых Пределах странный. Иные волки там годами зверя не выпускают. Привыкли жить людьми. У нас таких в родовой праздник за общий стол не посадят, а там целыми семьями живут.

— Чем они вам помешали?

Женщина смутилась.

— Да ничем, собственно. Просто непривычно.

Я поблагодарила ее за предупреждение и заказала Торену с Микком по дополнительной порции мяса. Когда поднялась в отведенную мне комнату, еще долго не могла избавиться от неприятного впечатления, оставленного разговором.

Мне приходилось встречать оборотней, которые по состоянию здоровья не могли менять ипостась. После войны подобных случаев стало больше. У Дарена был знакомый офицер, получивший тяжелое ранение в спину. Целители запретили ему превращаться до полного выздоровления. Муж тогда отзывался о бедняге с сочувствием и однажды помог его семье деньгами.

Почему в Серых Пределах собралось столько оборотней, избегавших звериного облика, я не знала. Впрочем, среди бывших солдат, оставшихся на севере после войны, наверняка было немало раненых.

Окно в моей комнате выходило на горы. За ними уже скрывалось солнце, и вершины казались почти черными на фоне бледного неба. Я открыла ставни, вдохнула холодный воздух и вдруг поняла, что за весь день ни разу не подумала о Лиане.

Зато о Дарене вспоминала постоянно. Мне не хватало даже наших споров о дороге. Муж терпеть не мог останавливаться на ночь в небольших городках, поскольку жаловался на жесткие кровати, а я любила заглядывать в местные лавки и покупать у ремесленников всякие полезные мелочи. Сейчас я без всякого удовольствия распаковала дорожную сумку, достала ночную рубашку и поймала себя на желании рассказать ему о забавной хозяйке постоялого двора.

Привычка делиться с близким человеком всем, что происходило за день, оказалась удивительно живучей. Я закрыла окно и легла спать.

На шестое утро нам показались Серые Пределы.

Всю первую половину дня мы ехали через лес. Мокрые ели теснились у самой дороги, кое-где между стволами проступали заросли вереска, тронутого осенним холодом. Потом деревья расступились, открыв широкую долину, по дну которой текла река.

На другом берегу, среди низких холмов, виднелись крыши деревенских домов. Еще дальше высилась крепость.

Торен остановил лошадей, позволив мне выйти из экипажа.

Черный Клык оправдывал свое название. Темный камень стен почти сливался с горным склоном, на котором стояла крепость, а высокая угловая башня напоминала выступавший из скалы зуб. Часть зубцов обвалилась, над одной из построек отсутствовала крыша. Над остальными поднимался дым.

Я ожидала увидеть заброшенное поместье, но древняя крепость оказалась гораздо внушительнее. Даже издали чувствовалось, что когда-то здесь жили люди, привыкшие защищаться от серьезного противника.

— Красиво, — произнес Торен.

— Красиво, — согласилась я. — Теперь бы добраться.

Он указал на дорогу, спускавшуюся к реке.

— Если мост еще стоит, до крепости рукой подать.

Мост стоял. Беда заключалась в том, что подъезд к нему за последние несколько дней превратился в полосу жидкой глины.

Торен осторожно направил лошадей вниз. Микк держался позади, ведя тяжелую повозку по более сухой стороне дороги. Внизу, возле самой переправы, колея стала глубже. Экипаж ощутимо накренился, выровнялся, проехал еще несколько шагов и вдруг резко дернулся. Я едва не ударилась виском о стенку.

Снаружи выругался Торен. Лошади забеспокоились, экипаж снова качнулся, на этот раз значительно сильнее.

— Госпожа, сидите пока внутри! — крикнул возница.

Я выглянула в окно.

Правое переднее колесо провалилось в глубокую яму, скрытую под грязной водой. Край дороги осыпался, и до пологого, но высокого речного берега оставалось совсем немного. Торен спрыгнул с козел и попытался успокоить лошадей.

Микк остановил повозку выше по склону и поспешил к нам.

— Разгружать придется, — сказал он, подойдя к экипажу. — Иначе колесо утянет еще глубже.

Я открыла дверцу. Торен заметил это и поспешил ко мне.

— Осторожнее, госпожа. Под ногами скользко.

Подхватив юбку, я спустилась на землю. Дорожные сапоги сразу увязли в глине. Экипаж стоял под таким наклоном, что мне пришлось обходить его со стороны леса, придерживаясь за дверную ручку.

Сначала мы попытались подложить под колесо несколько найденных у дороги камней. Ничего не вышло. Лошади тянули, скользили, а колесо лишь глубже погружалось в размокшую землю.

Микк предложил поискать толстые ветки. Торен возразил, что вдвоем они не справятся, и посоветовал мне идти к деревне за помощью.

В этот момент со стороны моста донесся голос:

— Отведите лошадей! Кто вас пустил на спуск после дождя?

Я обернулась.

К нам поднимались четверо мужчин. Трое несли топоры и свернутую веревку, четвертый шел впереди. Он был заметно выше остальных, одет в плотную темную куртку, высокие сапоги и кожаные перчатки. На поясе висел длинный нож, за спиной виднелся короткий охотничий лук. Подойдя, незнакомец осмотрел экипаж, дорогу и лошадей.

— Давно застряли?

— Да вот только что, — ответил Торен.

— Выпрягайте их. Пока не стащили экипаж в реку.

Тон у него был такой, что Торен повиновался прежде, чем успел взглянуть на меня. Незнакомец тем временем подозвал одного из своих спутников, крепкого бородатого мужчину, и указал на несколько сосен у дороги.

Я вмешалась:

— У нас есть еще две лошади. Возможно, если взять их из второй упряжки...

— Получим четырех испуганных лошадей вместо двух.

— Но экипаж нужно вытащить.

Он повернулся ко мне.

С близкого расстояния незнакомец выглядел старше, чем мне показалось вначале. У него были темные волосы с редкими седыми прядями у висков, широкий лоб, прямой нос и выразительные серые глаза. Лицо обветрилось, как у человека, проводившего большую часть времени на открытом воздухе.

— Вы хозяйка экипажа?

— Да.

— Тогда заберите из него все ценное и отойдите наверх.

— А помочь я могу?

Он перевел взгляд на мои увязшие в грязи сапоги.

— Можете. Не стойте возле колеса.

Мне потребовалось некоторое усилие, чтобы не ответить ему резко.

Впрочем, незнакомец уже отвернулся, занятый разговором с остальными мужчинами. Один отправился за жердями, двое принялись закреплять веревку. Сам он проверил, насколько прочно держится обочина под накренившимся экипажем, а затем помог Торену освободить лошадей от упряжи.

Действовали они слаженно. Бородатый мужчина называл незнакомца по имени, но шум реки и расстояние мешали мне разобрать слова.

Я забрала дорожную сумку, отнесла ее к повозке и вернулась за пледом. Когда поднялась обратно, один из мужчин предложил мне сухое место на большом камне под сосной.

Мне оставалось наблюдать за работой. Соорудив опору под провалившимся колесом, мужчины начали вытягивать экипаж. Торен следил за оглоблями, Микк помогал удерживать кузов. Незнакомец, первым заметивший наше бедственное положение, работал наравне со всеми.

Край длинной жерди вдруг соскользнул. Мужчина успел придержать ее плечом, пока его товарищ подставлял другую опору. Куртка натянулась у него на спине. Я засмотрелась на его руки, удерживавшие тяжелое дерево, и поспешила отвернуться.

Последнее время я совершенно перестала замечать привлекательных мужчин. Конечно, могла оценить чью-нибудь внешность, хорошую осанку или удачно подобранную одежду, но дальше этого мои наблюдения не шли. Мне хватало мужа, и сама мысль о том, чтобы заинтересоваться кем-то другим, казалась неуместной.

Понадобилось несколько мгновений, чтобы вспомнить: мужа у меня больше не было. От этой мысли мне сделалось неловко.

Наконец колесо показалось из ямы. Мужчины перетащили экипаж на более твердую часть дороги и осмотрели повреждения. К счастью, ничего серьезного не сломалось.

Торен радостно принялся запрягать лошадей, а я подошла к нашему спасителю.

— Благодарю вас. Скажите, сколько я должна за помощь?

Он стянул перчатки. На костяшках пальцев виднелись старые белесые шрамы.

— Нисколько.

— Вы потратили на нас почти час. Я не хотела бы задерживать людей, не возместив им потерянного времени.

— Мы шли проверить переправу. Теперь убедились, что дорогу пора чинить.

— Значит, придется поблагодарить вас еще и за осмотр моих владений.

Незнакомец поднял голову.

— Ваших?

Я достала из сумки земельную грамоту.

— Ирма Ларн. Новая владелица Серых Пределов.

Бородатый мужчина, стоявший неподалеку, тихо присвистнул. Незнакомец протянул руку за документом, прочел несколько строк и вернул его мне.

— О вашем приезде нас не предупредили.

— Перед отъездом я отправила письмо из земельной палаты.

— Через кого?

— Через прежнего управляющего.

— Тогда понятно.

— Что именно?

— Управляющий уехал отсюда в начале августа. Вместе с семьей и большей частью хозяйственных книг.

Я посмотрела на крепость.

— Очень предусмотрительно с его стороны.

Бородатый мужчина усмехнулся, а его товарищ впервые улыбнулся.

— Поедете следом за нами. По мосту пропустим экипаж и повозку отдельно. На середине не останавливайтесь.

— Благодарю. И все-таки как к вам обращаться?

— Роан.

Он назвал только имя, словно считал, что этого вполне достаточно. Я убрала грамоту.

— Что ж, Роан, надеюсь, до крепости больше не встретится ничего столь же интересного.

— Не стоит загадывать, госпожа Ларн. Вы еще не видели крепостную лестницу.

Его спутники засмеялись.

Я подозвала Торена и велела готовиться к переправе.

Мост оказался длиннее, чем я ожидала. Его настил состоял из потемневших бревен, уложенных поверх старых каменных опор. Перил не было. Вода бурлила внизу, ударяясь о выступающие из реки камни, и от нее поднимался мелкий холодный туман.

Роан с бородатым спутником перешли первыми. Еще двое мужчин остались возле наших возниц. Я решила пройти пешком, чтобы хоть немного облегчить экипаж, но на середине моста пожалела о своем решении. Бревна под ногами были скользкими, а шум реки заглушал все остальные звуки. Пришлось идти медленно, глядя перед собой. Роан ждал на другом берегу.

— Здесь всегда такое течение? — спросила я, ступив наконец на твердую землю.

— Осенью и весной. Летом вода вдвое ниже.

— Значит, прежний мост был достаточно высоким.

— Выше этого почти на человеческий рост. Весенний разлив подмыл опору. Камень старый, раствор давно выкрошился.

Я оглянулась на переправу. Микк еще ждал своей очереди, а Торен осторожно вел лошадей по бревенчатому настилу.

— Кто построил этот мост?

— Жители ближайших деревень. Лес рубили сами, работали по очереди.

— Из средств владения им ничего не выделили?

Роан удивился:

— Каких средств?

Я больше не спрашивала о деньгах.

За мостом нас ждал довольно крутой подъем. Мы миновали несколько домов, возле которых сушились охапки трав и стояли корзины с поздними овощами. Две женщины, заметив экипаж, перестали разговаривать. Маленький мальчик выбежал на дорогу, однако мать тут же поймала его за ворот рубашки и увела со двора.

На нас смотрели настороженно. Я привыкла, что в деревнях Вельдов люди здоровались со мной, задавали вопросы о предстоящих ярмарках, иногда обращались с просьбами. Здесь никто не приблизился, хотя, судя по любопытным взглядам, о моем приезде скоро должно было узнать все владение. У развилки Роан остановился.

— Дальше вас проводит Бьорн. У него дела в крепости.

Бородатый мужчина кивнул мне.

— Не обращайте внимания на то, что он рассказывал про лестницу. Если идти осторожно, можно даже ни разу не споткнуться.

— Утешили, — отозвалась я.

Роан коротко рассмеялся и свернул на дорогу, ведущую вдоль леса. Я проводила его взглядом, прежде чем подняться в экипаж.

В крепости Черный Клык имелось два двора. Внешний, довольно просторный, когда-то предназначался для обозов и военных отрядов. Теперь значительную его часть занимали

сложенные дрова, ветхие телеги и несколько хозяйственных построек. Во внутреннем дворе росла старая рябина, усыпанная красными ягодами.

Наше появление встревожило большого черного пса. Он выскочил из-под навеса, облаял лошадей, а затем, увидев Бьорна, немедленно сменил гнев на радость.

— Уберите этого разбойника! — крикнул Бьорн куда-то в сторону конюшни.

Из открытой двери показалась женщина в длинном шерстяном платье и кожаном переднике. Волосы, почти полностью седые, она собрала в тугой пучок на затылке.

— Сам убери. Он тебя лучше всех слушается.

— Агна, хозяйка приехала.

Женщина оглядела экипаж и повозку.

— Какая еще хозяйка?

— Новая. С бумагами.

— Прекрасно. Будем надеяться, что с бумагами приехали и деньги.

Бьорн помог мне спуститься.

— Госпожа Ларн, это Агна Соль, наша целительница. Пока крепостью никто не занимается, ключи хранит она.

— Не все ключи, — поправила его Агна. — И не по своей воле.

Я представилась и показала земельную грамоту. Агна прочитала ее внимательно, не пропустив даже мелких строчек внизу, после чего предложила пройти внутрь.

Ступеней действительно оказалось много. Некоторые потрескались, другие были настолько истерты, что подошвы скользили даже по сухому камню. Поднявшись на второй этаж, я обнаружила, что дышу гораздо тяжелее, чем хотелось бы показать новым знакомым.

— Правое крыло непригодно для жилья, — сообщила Агна, открывая дверь в широкий коридор. — Там крыша течет. В северной башне тоже никому жить не советую. Зато в западной части почти все комнаты целы. Бывший управляющий занимал две из них. Можете выбрать любую.

Мне показали спальню с высокой деревянной кроватью, маленькую гостиную и помещение, прежде служившее кабинетом. Во всех трех комнатах пахло сыростью и старой древесиной. В спальне обнаружился вполне приличный камин, а в гостиной под потолком темнело большое пятно от прежней протечки.

— Давно здесь не топили? — спросила я.

— С тех пор как управляющий уехал. Дрова берегли для лечебницы.

— В крепости есть лечебница?

— На первом этаже. От старого госпиталя осталось несколько комнат. Там двое больных сейчас, так что прошу не шуметь возле их дверей.

Я выбрала спальню и соседний кабинет. Бьорн отправился за Тореном и Микком, а Агна помогла открыть ставни. За окнами виднелись лес, несколько деревень и река, которую мы только что пересекли.

В комнате сразу стало светлее. Правда, вместе со светом внутрь ворвался ветер.

— Стекло треснуло, — заметила я.

— В прошлом году. Прибили бы снаружи доску, да тогда совсем темно будет.

Я достала тетрадь и записала первую необходимую покупку. Агна следила за пером, не скрывая недоверия.

— Надолго вы к нам?

— Пока не намерена никуда уезжать.

— Осенью все так говорят.

— Здесь часто менялись владельцы?

— Владельцы редко. Управляющие чаще. Господин Вельд присылал их ненадолго, потом переводил в другие места. Последний пробыл почти три года. Весной обещал починить мост, летом собирался выписать лесорубам жалованье, а в августе погрузил сундуки и уехал.

— Лесорубам так и не заплатили?

— Не всем. Да они вам сами расскажут, если захотят.

Я закрыла тетрадь.

— У кого можно купить продукты и нанять людей для работы в крепости?

— Начните с деревни под холмом. Там живет Руна, вдова мельника. Две дочери у нее взрослые, обе работящие. Только не обещайте им жалованья, если платить нечем.

Последнее замечание мне не понравилось, но я не стала обижаться. Агна еще не знала меня, а прежние хозяева дали ей достаточно оснований подозревать самое худшее.

— Скажите Руне, что я заплачу за работу каждую неделю. Если ее дочери согласятся, завтра мы обсудим условия.

— Сама скажете. Она обычно приходит ко мне за мазью для младшей дочери.

Снизу донесся грохот. Бьорн громко выговаривал кому-то за неосторожность с сундуками. Агна выглянула в коридор.

— Это они еще до лестницы не дошли.

Мы поспешили вниз.

К вечеру удалось занести вещи, растопить камин и найти несколько чистых одеял. Торен устроился в комнате возле конюшни, Микку отвели место рядом с ним. Из запасов, привезенных с собой, я выделила муку, сушеные овощи и кусок соленого мяса. Агна принесла несколько луковиц, и мы сварили ужин на кухне, которая прежде, должно быть, обслуживала целый гарнизон.

За столом сидели впятером. Бьорн ел с таким аппетитом, словно весь день только и мечтал о нашей похлебке. Микк расспрашивал его о дороге, по которой собирался возвращаться на юг, Торен пытался выяснить, далеко ли отсюда до деревни, где жила его сестра.

Когда речь зашла о ближайших деревнях, я вспомнила нашего спасителя.

— А ваш товарищ далеко живет? — спросила я Бьорна, когда разговор ненадолго стих. — Тот, что помогал нам у переправы.

— Через холм. Отсюда его дом не виден.

— Он занимает какую-нибудь должность во владении?

Бьорн отложил ложку. Агна хмыкнула.

— Роан Хальд и должность во владении, — сказала она. — Довольно забавно звучит.

Я не сразу поняла смысл ее слов. Имя и фамилия соединились в моем сознании неохотно, словно я пыталась вспомнить человека, которого знала очень давно.

— Хальд? Из королевского рода?

Бьорн ответил совершенно буднично:

— Из него самого.

Я посмотрела сначала на него, потом на Агну.

— Вы хотите сказать, что это бывший король?

— А у нас много Роанов Хальдов? — спросила целительница.

Я вспомнила портрет в большом зале королевской цитадели. Художник изобразил Роана в темно-синем военном мундире с серебряным шитьем. Одной рукой король опирался на спинку высокого кресла. Дважды мне доводилось видеть короля и в жизни, еще до войны. Оба раза мы с Дареном стояли среди приглашенных в дальнем конце зала. От того Роана у человека, встретившегося мне сегодня, остались глаза и характерный поворот головы. Я смотрела на него возле реки, слышала его голос и даже не подумала, что передо мной мог оказаться мужчина с королевского портрета.

— Дарен никогда не упоминал, что он живет здесь.

— А зачем ему об этом рассказывать? — отозвался Бьорн. — Роан не может покидать северный округ без разрешения короны. После отречения ему предложили несколько мест для поселения, и он выбрал наше. С тех пор здесь и живет.

— Значит, они с Дареном знакомы?

Бьорн вытер усы.

— В войну мало кто из старших офицеров не знал короля лично.

Агна переставила горшок с похлебкой ближе к Микку и попросила того доедать, поскольку оставлять на ночь несколько ложек еды не имело смысла. Разговор перешел на предстоящие холода, и я больше ни о чем не расспрашивала.

Позднее, уже в спальне, я поймала себя на том, что сижу на краю кровати и улыбаюсь. Надо же было такому случиться, чтобы первым человеком, с которым я успела поспорить в собственном владении, оказался бывший правитель всего Вальхейма! Дарен пришел бы в ужас, если бы услышал, как я разговаривала с Роаном на дороге.

Улыбка исчезла сама собой. Дарену больше не было никакого дела до того, как и с кем я разговариваю.

Я открыла один из сундуков, достала ночную рубашку и шерстяные носки. Даже растопленный камин не успел прогреть толстые крепостные стены. Простыни оказались холодными, пришлось положить под одеяло завернутый в полотенце нагретый кирпич, который принесла Агна. Ветер всю ночь свистел в трещине оконного стекла. Где-то внизу скрипели ворота, а под утро пес облаял человека, пришедшего за дровами.

Несмотря на все это, я спала лучше, чем в придорожных гостиницах.

Утром седьмого дня Торен принес мне теплой воды и спросил разрешения навестить сестру. Оказалось, она жила в соседней долине, откуда до крепости можно было добраться пешком за два часа. Я отпустила его до следующего утра и посоветовала взять лошадь, если дорога позволит.

Микк решил задержаться на день. После вчерашних приключений он хотел как следует проверить повозку и подождать, пока спадет вода. Я выплатила ему оговоренное дорожное жалованье и добавила денег на обратный путь.

До завтрака Агна показала мне кладовые. В той, что прежде служила зерновым складом, хранилось всего несколько мешков ржи. На полках соседней комнаты лежали сушеные грибы, связки трав и небольшие запасы соли. Часть продовольствия принадлежала лечебнице, остальное оставили местные жители, рассчитывавшие при необходимости воспользоваться общим запасом. Пришлось попросить Агну показать, где проходит граница между тем и другим.

— Вы хотите все пересчитать? — спросила она.

— Только то, что принадлежит владению. Вашими запасами я распоряжаться не буду.

Целительница заметно смягчилась.

— Тогда считать особо нечего. Вот те два мешка ржи у стены. И бочонок с прошлогодними яблоками, если они еще годятся в пищу.

Я заглянула в бочонок. Большинство яблок успело испортиться.

— Понятно. Придется покупать продовольствие.

— До зимы лучше запастись заранее. Когда занесет дорогу, цену назначит тот, у кого осталось зерно.

В старом кабинете управляющего я нашла три хозяйственные книги. Две содержали записи шестилетней давности, третья оказалась ведомостью расходов на ремонт крепости. Из последней следовало, что деньги на ремонт крыши выделялись дважды. В первый раз закупили несколько десятков досок и черепицу, а во второй управляющий получил сумму на оплату работ. На этом записи обрывались.

Я выглянула в окно. На противоположной стороне двора, как раз над тем крылом, где полагалось сменить черепицу, вместо крыши зияло огромное отверстие.

Предстояло выяснить, где находятся оплаченные материалы и почему работа осталась незаконченной.

К полудню приехала Руна. Вдова мельника оказалась еще совсем молодой женщиной с обветренным лицом и уверенной манерой держаться. Она привезла корзину яиц, два кувшина молока и небольшой мешок картофеля. Ее старшая дочь согласилась поработать на крепостной кухне, а младшая умела хорошо шить и могла помочь привести в порядок белье и занавески.

Мы договорились о плате, продуктах и времени работы. Руна попросила часть денег вперед.

— Дрова на зиму надо купить. У нас своих почти не осталось.

Я выдала ей аванс за первую неделю. Женщина пересчитала монеты и аккуратно завязала их в платок.

— Если вам понадобятся плотники, госпожа, спросите у Роана. Он знает, кто где работает. Мужчины иногда уходят на заработки в другие владения, не всех сейчас дома застанешь.

Это было уже второе упоминание Роана за утро. Я решила, что лучше поговорить с ним до того, как начну давать распоряжения людям, которых совершенно не знаю.

На следующий день он пришел в крепость сам, чтобы помочь Бьорну заменить сгнившую доску на воротах. Я застала его во дворе. Несмотря на холод, мужчина снял куртку и остался в светлой рубашке с закатанными рукавами. Он держал тяжелую доску, пока Бьорн размечал места для креплений.

Мне пришлось подождать, и я с некоторым удовольствием наблюдала, как они спорят о работе. Бьорн утверждал, что доску следовало обрезать еще вчера, Роан предлагал сначала убедиться, что ворота не перекосились. В конце концов они перемерили расстояние и выяснили, что правы оба: перекос действительно имелся, а доска оказалась длиннее необходимого.

— Бьорн, — сказала я, — можно мне ненадолго похитить вашего помощника?

— Если он вернется до того, как я закончу с креплениями.

Роан выпрямился и взял куртку.

— Слушаю вас, госпожа Ларн.

— Для начала хотела бы извиниться за грубость у переправы. Я не знала, с кем разговариваю.

Он прищурился.

— А сегодня знаете?

— Агна рассказала.

— Хорошо. Тогда, надеюсь, теперь вам известно, что обращаться ко мне можно по имени. В Серых Пределах я давным-давно привык к этому.

— Позавчера вы могли представиться полностью.

— Мог. А вы бы потом стояли в грязи и думали, как правильно благодарить бывшего короля за помощь с колесом. Зачем создавать лишние трудности?

Я рассмеялась. Улыбка смягчила суровые черты Роана. У переправы я бы не заподозрила в нем человека, способного так легко шутить над собственным прошлым.

Мы прошли в кабинет. Я предложила ему горячего напитка и разложила на столе карту владения.

— У меня есть шестьдесят дней с момента передачи земли, чтобы урегулировать задолженность перед короной. Сегодня уже восьмой день.

— Сколько должны?

— Триста шестьдесят крон.

Роан тихо выругался.

— Простите. Теперь понятно, почему Вельд решил расстаться с этими землями.

— С женой он расстался по другой причине. А землю отдал мне именно из-за долгов.

Роан взглянул на меня, но расспрашивать не стал.

— Чем могу помочь?

— Мне необходимо понять, что здесь можно восстановить, на чем заработать и какие работы нельзя откладывать. Я умею управлять хозяйством, но совершенно не знаю этих мест. Вы знаете и людей, и дороги. Думаю, у нас получится найти решение.

Он наклонился над картой. От рукавов его куртки пахло свежей древесиной и дымом. Роан указал на две деревни выше по течению реки.

— Вы еще не были там?

— Нет.

— Вот с них и начнем. Потом осмотрим мельницу. Но прежде вам придется поговорить с людьми. Многие работают на собственных участках, и брать их на ремонт дороги в разгар уборки урожая я бы не советовал. А часть до сих пор ждет платы за прошлую работу.

— Я собираюсь платить вовремя.

— Все так собирались.

Я отодвинула карту.

— Послушайте, Роан. Я не могу отвечать за обещания прежних владельцев, поскольку даже не знаю, кому и что они обещали. Но я намерена здесь жить. У меня нет другого дома и нет родственника, который присылает деньги, если что-нибудь пойдет не так. Если владение разорится, я потеряю почти все, что у меня осталось.

Он некоторое время разглядывал меня, потом сел на стул по другую сторону стола.

— А что вы станете делать, если не сумеете получить рассрочку? Продадите лес? Повысите сборы с жителей?

— Сначала выясню, сколько приносит лес и способны ли жители платить нынешние сборы. Глупо повышать налоги с людей, которым не хватает денег на хлеб. Впрочем, если у вас есть способ раздобыть триста шестьдесят крон до первого снега, с удовольствием его выслушаю.

— Был бы способ, мы бы не сидели с вами под дырявой крышей.

— Над этой комнатой крыша целая.

— Тогда вам повезло больше, чем прежнему управляющему. Он поначалу жил в правом крыле.

Мы снова рассмеялись. Роан придвинул карту ближе и принялся объяснять, где проходили прежние торговые пути. Он хорошо знал местность, мог назвать расстояние до каждого поселения и помнил, в каких местах весной разливается река. Через полчаса на карте появились мои первые отметки.

— Значит, договорились? — спросила я, когда мы закончили. — Вы поможете мне познакомиться с жителями и осмотреть владение? Ваше время я готова оплачивать. Если потребуется постоянная помощь, мы можем договориться об этом частным образом.

— Деньги пока оставьте на дорогу. Я покажу вам деревни и сведу с нужными людьми. Потом, если понадобится работа, обсудим условия. Только у меня одна просьба, госпожа Ларн. Выслушайте каждого, даже если человек придет к вам с такой бедой, которую невозможно исправить за один день. Здесь многие уже привыкли, что их проблемы никого не интересуют.

— Хорошо.

— Завтра после завтрака буду ждать вас во дворе. Возьмите теплый плащ и обувь, которую не жалко испортить.

— Другой обуви у меня скоро не останется.

Роан засмеялся и поднялся. У двери он задержался.

— И еще, Ирма. Не беритесь сразу за всю крепость. Вы устанете раньше, чем заметите первые результаты. Выберите комнату, где вам будет тепло, остальным займетесь, когда придет время.

Он впервые назвал меня по имени. Я удивилась тому, как приятно было услышать его без фамилии, которую совсем недавно пришлось сменить.

— Постараюсь, — ответила я.

Когда Роан ушел, я осталась за столом с развернутой картой. За окном Бьорн встретил его громким возмущением, поскольку давно закончил разметку и успел выпить два кувшина воды. Внизу, на кухне, гремела посуда: дочь Руны взялась отмывать давно заброшенную плиту. Во дворе кто-то звал пса.

Я отложила перо и прикрыла окно. Потом пошла поискать одеяло, которым можно было бы временно закрыть треснувшее стекло. До завтрашнего утра оставалось достаточно времени, чтобы сделать в своей комнате хотя бы одну полезную вещь.

Глава 3. Безлунные волки

К утру ветер утих, и вода в реке немного спала. Из окна спальни я видела обнажившиеся камни возле переправы. На берегу уже возились двое мужчин с лопатами. Судя по тому, как часто они поглядывали вверх, в сторону крепости, мой приезд еще не успел надоесть местным жителям.

К завтраку дочь Руны, Тильда, приготовила овсяную кашу и пожарила на сале несколько тонких лепешек. Я съела две, завернула третью в чистую салфетку и положила в дорожную сумку. Агна, наблюдавшая за мной с противоположного конца стола, одобрительно хмыкнула.

— Правильно. У Роана если спросить, когда обедать будем, он сперва на солнце посмотрит. А солнца нынче можно до вечера не дождаться.

— Вы давно его знаете?

— Девять лет. Достаточно, чтобы не ходить с ним голодной.

Во дворе Роан ждал меня с двумя оседланными лошадьми. Одна, серая в яблоках кобыла, при моем приближении вытянула шею и попыталась добраться до сумки.

— Знакомьтесь, госпожа Ларн. Это Ива. Она возит Агну по деревням и умеет открывать дверцы кладовых.

— У меня с собой лепешка. Думаю, поладим.

— Тогда вы уже друзья.

Роан помог мне подогнать стремена и придержал лошадь, пока я садилась. Сам он ехал на крепком гнедом мерине с темной гривой. Мы выбрались за ворота и свернули на дорогу, тянувшуюся вдоль склона. Внизу, на огородах, женщины выкапывали последние корнеплоды. Из одной трубы тянулся такой густой дым, что я учуяла его еще до того, как разглядела дом.

В молодости мне случалось неделями жить в лесном охотничьем домике моего отца. Я любила осень, особенно те сухие, прозрачные дни, когда земля еще не промерзла и можно было долго бежать по опавшим листьям в волчьем облике. В поместье Вельдов у меня для этого имелись собственные угодья, хотя в последние годы я пользовалась ими все реже. То приезжали гости, то требовалось проверить склады, то Дарен обещал вернуться к ужину и просил меня дождаться его дома. На севере же лес подступал к самой дороге, и от запаха влажного мха и хвои у меня появилось почти забытое желание свернуть с тропы и пробежать хотя бы до следующего холма.

— Вы ездите верхом по всем владениям? — спросила я.

— По большей части. Зимой ходим на снегоступах, если лошадям трудно.

— А волком здесь удобно добираться до дальних поселений?

— Смотря куда. До Верхней Лощины удобно. А через перевал лучше идти человеком. Там на камнях лапы собьете.

Он придержал мерина, пропуская меня вперед на узком участке дороги. Я не стала выяснять, почему мы сегодня отправились верхом. Мне необходимо было разговаривать с людьми, осматривать постройки и делать записи. В зверином облике заниматься всеми этими делами было бы затруднительно.

Первое поселение называлось Ольховкой. Двадцать с небольшим домов стояли на пологом берегу ручья, вдоль которого росли ольхи с почерневшими от дождя стволами. Возле одной из изб старик чинил плетеную корзину. Заметив Роана, он поднял руку, а затем, разглядев меня, отложил работу и позвал жену.

Через несколько минут мы уже сидели в тесной комнате с низким потолком. Старика звали Хальмером, и он оказался здешним старостой. Его жена Сив поставила на стол горшок с горячим отваром и три деревянные кружки. Из соседней комнаты выглянула девочка лет семи, но при виде незнакомой женщины спряталась.

Хальмер долго рассматривал мою грамоту на владение. Затем достал из сундука пачку бумаг, перевязанных тонкой бечевкой.

— Вот, госпожа. Раз уж приехали, разберитесь, пожалуйста. Восемь человек с нашей деревни работали на дороге позапрошлой весной. Мой старший сын тоже. Управляющий обещал за двенадцать дней каждому по кроне. Половину выдал, остальное велел получить после окончания работ.

— Работы закончили?

— Закончили. Тогда еще старый мост стоял. Подсыпали дорогу, расчищали канавы. Вот отметка десятника.

Старик протянул мне лист, на котором среди неровных строчек хорошо читалась сумма задолженности. Печать принадлежала управляющему Вельдов. Я переписала имена и попросила разрешения снять копию с бумаги, когда раздобуду в крепости чистые листы.

— Значит, заплатите? — спросила Сив.

В ее голосе прозвучала такая надежда, что мне захотелось немедленно открыть кошелек. Но я еще не знала, сколько подобных долгов обнаружу в соседних деревнях.

— Я выясню, кто обязан их оплатить по условиям передачи владения. Часть старых расходов должна была остаться за господином Вельдом. Если это так, мой поверенный потребует у него деньги. А если понадобится нанять вас для новых работ, мы составим отдельное соглашение и заплатим за них без задержки.

Сив вздохнула и пошла к печи. Хальмер бережно сложил бумаги обратно.

— Вы уж выясните, госпожа. Сын мой теперь в чужом роду служит. У него трое детей, а жена по ночам прядет, чтобы на соль хватало. Не от хорошей жизни он отсюда ушел.

— Кто присматривает за дорогой сейчас?

— Кто свободен. Роан с Бьорном часто приходят. Весной всем миром мост клали. Да вы небось сами его видели.

— Имела удовольствие познакомиться с ним на днях.

Роан кашлянул, пряча улыбку. Я покосилась на него, и Хальмер заинтересованно спросил, что произошло. Пришлось рассказать о несчастье с экипажем. К концу истории старик уже хохотал, а Сив выглянула из-за печи с предложением в следующий раз отправлять за нами человека из деревни.

После разговора Хальмер проводил нас к старой кузнице. Кузнец перебрался на юг, оставив младшему брату инструменты и несколько заказчиков. Брат, молодой мужчина по имени Лейф, согласился чинить крепостные замки, если мы сможем доставлять железо. Он показал мне пустой ящик из-под гвоздей и объяснил, что за последнюю партию пришлось заплатить вдвое больше обычного: торговец привез товар вьючными лошадьми, поскольку отказался вести телегу через переправу.

Мы договорились, что я узнаю цену железа в городке, где ночевала перед приездом. До него можно было добраться за день хорошей дороги, а с учетом состояния переправы приходилось закладывать гораздо больше времени.

По дороге к ручью нам встретилась молодая женщина с двумя корзинами. Одну она несла сама, за другую держался мальчик, едва достававший ей до пояса. Роан спешился и забрал обе корзины.

— Опять одна управляетесь, Лотта?

— Лейф сегодня занят. Да мне тут недалеко.

— Знаю я ваше недалеко. До самого леса, потом обратно.

Она засмеялась и передала ему корзину, которую мальчик все еще пытался удержать. Мы проводили их до дома. Лотта пригласила нас внутрь, однако Роан сказал, что мы еще собираемся в соседнее поселение.

Я заметила возле крыльца небольшую деревянную фигурку волка. Мальчик, увидев мой взгляд, с гордостью сообщил, что дядя вырезал ее ему ко дню рождения.

— Когда вырасту, у меня такой же будет. Только белый.

— У тебя может оказаться совсем другой цвет шерсти, — объяснила мать. — В нашей семье белых никогда не было.

— А у дяди?

Лотта принялась поправлять ремень на курточке сына.

— У дяди был серый.

Мальчик хотел еще что-то спросить, но мать отправила его в дом. Прощаясь с нами, она выглядела смущенной, хотя никакого особенного повода для этого я не видела.

Уже за деревней я спросила Роана, что случилось с братом Лотты.

— С Лейфом? Ничего. Он только что вам показал свою кузницу.

— Мальчик говорил о его звере так, будто тот умер.

— Лейф давно не обращается.

— После ранения?

Роан поправил поводья.

— После войны.

Я ожидала, что он объяснит подробнее, однако мужчина заговорил о дороге. Впереди, возле развилки, лежала поваленная береза, которую следовало убрать до первых снегов. Я записала это в тетрадь, но к разговору о кузнеце мысленно вернулась еще несколько раз.

К полудню мы добрались до поселения под названием Нижние Ключи. Здесь домов оказалось меньше, зато за ними тянулись довольно обширные пастбища. На ограде одного из дворов сидел юноша в слишком короткой для его длинных ног куртке. Он чистил ножом яблоко и громко спорил с женщиной, которая развешивала белье.

— Если бы я взял топор побольше, давно бы справился!

— Если бы ты взял с собой голову, Эрик, я была бы гораздо спокойнее.

При нашем приближении юноша соскочил с ограды.

— Роан! Я вчера ходил к старой тропе. Можно пробраться до мельницы, там только один завал.

— Один ты видел, — ответил Роан. — Остальные могли оказаться дальше.

— Я бы и дальше прошел, если бы тетка не велела возвращаться до темноты.

Женщина с бельем выразительно посмотрела на него.

— Вот госпожа приехала. Хоть при ней не позорь меня.

Эрик сунул яблоко в карман, вытер руки о штаны и с неожиданной серьезностью поклонился мне.

— Добрый день, госпожа. Вам проводник не нужен?

— А ты проводник?

— Пока нет, но местность знаю лучше многих.

— Это правда, — подтвердила его тетка. — В любую щель пролезет, а обратно иногда приходится вытаскивать.

Юноша вспыхнул.

Роан представил нас. Женщину звали Берта, она приходилась Эрику сестрой отца. С ней жили сам Эрик, две ее дочери и больной муж. Пока мы разговаривали, из дома вышла старшая девочка с кувшином молока. Я спросила Берту, чем обычно зарабатывали жители Нижних Ключей.

— Овец держим. Некоторые охотятся, если могут. Муж до болезни работал на мельнице. А Эрику давно пора найти дело, только он все про горные дороги мечтает.

— Могу и на мельнице работать, — вмешался юноша. — Если ее запустят.

Я пообещала посмотреть, в каком она состоянии, и спросила, найдется ли у него свободное время завтра. Эрик так обрадовался, что едва не выронил нож. Мы договорились встретиться у крепости после завтрака.

— Вы правда собираетесь чинить дорогу? — спросил он, когда мы уже уходили.

— Если сможем найти на это деньги.

— Тогда я покажу вам, как раньше обозы ходили. Мне дед рассказывал. Там за мельницей старый поворот сохранился, только зарос весь.

Роан одобрительно кивнул, и юноша проводил нас до края деревни. На соседнем дворе двое подростков собирались отправиться в лес. Один из них, заметив Эрика, крикнул:

— На вечернюю охоту идешь?

— Нет, дела есть.

— Какие у тебя дела? Все равно волком не побежишь.

Эрик остановился. Я увидела, как изменилось его лицо. Мгновение назад он едва сдерживал улыбку, а теперь смотрел на мальчишку с откровенной неприязнью.

— Зато ты бегать умеешь, а зайца поймать не можешь, — бросил он.

Подросток хотел ответить, но заметил Роана и поспешил скрыться за оградой. Эрик попрощался с нами гораздо суше, чем прежде, и отправился домой.

Лишь за деревней я позволила себе спросить:

— Он тоже не может обращаться?

— Да.

— А сколько ему лет?

— Девятнадцать.

— Неужели тоже военное ранение?

Роан посмотрел на меня.

— Во время войны ему было десять.

Он произнес это спокойно, но я почувствовала, что задавать следующий вопрос сейчас не стоит.

Мы остановились на отдых возле ручья. Роан напоил лошадей, я достала из сумки лепешку, разломила ее пополам и предложила ему большую часть. Он принял угощение с таким довольным видом, что я вспомнила утреннее предупреждение Агны.

— Она была о вас совершенно права.

— В чем на этот раз?

— Сказала, что вы не вспомните об обеде, пока не выглянет солнце.

Роан поднял голову. Над лесом висели серые облака.

— Опасная у нас целительница. Слишком много знает.

Я улыбнулась. Он присел рядом на сухое бревно, и мы некоторое время ели, глядя, как лошади щиплют траву. Вдалеке, в другой части долины, прозвучал протяжный волчий зов. Ему ответили почти сразу, с противоположного склона. Роан перестал жевать и прислушался.

— Свои? — спросила я.

— Семья Хальмера. Молодые, должно быть, опять гоняют друг друга по лесу.

Я машинально поискала взглядом движение среди деревьев, хотя с такого расстояния ничего не могла увидеть. Мне стало любопытно, как выглядел в звериной форме мужчина, сидевший рядом. Впрочем, спрашивать оборотня о его ипостаси при столь коротком знакомстве было почти так же невежливо, как интересоваться подробностями его семейной жизни.

Я доела лепешку, а Роан, заметив, что Ива снова тянется к моей сумке, отвлек ее пучком травы.

— До следующей деревни не успеем засветло, если задержимся у мельницы. Предлагаю сегодня вернуться. Завтра с Эриком осмотрим старую дорогу, а послезавтра съездим выше по реке.

— Хорошо. Мне еще нужно разобраться с книгами.

— С теми тремя, что остались в кабинете?

— Надеюсь, есть и другие.

— Спросите Агну. Она терпеть не может выбрасывать бумагу. У нее даже на обороте старых ведомостей списки лекарственных сборов написаны.

На следующее утро Эрик пришел в крепость так рано, что Тильда еще не успела вынуть хлеб из печи. Он принес с собой свернутую веревку, небольшой топор и мешок с едой, который, по его словам, тетка собрала на случай, если мы решим провести в горах целую неделю.

— Она сама просила передать, что на вас тоже положила, — сказал он мне. — Там сыр и копченая рыба. Только рыбу лучше сегодня съесть. А то она у нас со вчерашнего дня лежит.

— Тогда зови Роана, пока он не позавтракал. Начнем с рыбы.

После вчерашнего знакомства Эрик держался со мной гораздо свободнее. За едой он расспрашивал о Хольмгарде, об огромном столичном рынке и о том, правда ли в королевской цитадели имеется помещение, где круглый год держат живых певчих птиц. Я рассказала, что птиц действительно держат, хотя зимой от них гораздо больше шума, чем пения, а во время одного из приемов канарейка ухитрилась вылететь из клетки и села на голову послу соседнего государства.

— А вы там были?

— Была. Посол, к его чести, не шевельнулся, пока птицу не сняли с его парика.

Эрик захохотал. Вошедший в кухню Роан поинтересовался причиной веселья и, выслушав историю, припомнил имя посла.

— Он потом потребовал пересадить себя подальше от музыкантов. Решил, что птицу выпустили нарочно.

— Так вы тоже присутствовали на том приеме?

— Принимал посла.

Я подняла взгляд. Роан тем временем потянулся за куском хлеба, а Эрик с восхищением уставился на него. Мне еще предстояло привыкнуть к тому, что человек, которому Тильда только что выдала деревянную кружку со сколотым краем, когда-то принимал иностранных послов.

За мельницей, куда мы добрались ближе к полудню, находилась запруда. Часть сооружения разобрали на дрова, но каменное основание и колесо сохранились. Колесо застряло между двумя опорами, покрытыми толстым слоем мха. Эрик уверял, что его можно снять, заменить несколько лопастей и снова пустить в ход. Роан посоветовал сперва показать сооружение опытному плотнику. Я осмотрела помещение мельницы, поднялась по шаткой лестнице к жерновам и обнаружила, что ссыпать муку пока все равно некуда: половицы под зерновыми ларями сгнили.

Однако стены были крепкими, крыша протекала всего в двух местах, и при разумном подходе мельницу можно было спасти.

— Тетка говорит, дед зимой здесь чуть ли не ночевал, — рассказывал Эрик, пока я зарисовывала расположение хозяйственных построек. — Люди зерно даже из других владений возили. А потом стали ездить мимо нас.

— Почему?

— Старую дорогу бросили. Я вам покажу. Отсюда недалеко.

Мы привязали лошадей возле мельницы и отправились пешком вверх по склону. Эрик шел впереди, отводя в стороны ветки. Вскоре между деревьями обнаружилась насыпь, поднимавшаяся над низиной. Она была гораздо шире нынешней лесной тропы, и кое-где из земли выступали плоские камни.

Я опустилась на корточки, смахнула мокрые листья и увидела край старой кладки.

— Вот она, — объявил Эрик. — А дальше еще водосток есть. Дед говорил, камень сюда с перевала возили.

Роан прошел несколько шагов вдоль насыпи и остановился у места, где дорогу пересекал небольшой овраг.

— В эту сторону шли обозы из восточных владений. Здесь подниматься было полого, даже тяжелые повозки справлялись. Если очистить путь до развилки и восстановить переправу у крепости, с севера можно будет добираться до Хольмгарда почти на два дня быстрее.

Я достала карту. На ней старая дорога была обозначена тонкой, почти стершейся линией. Новый путь, которым пользовались торговцы, огибал горы с востока, пересекая владения двух других родов. На каждом участке, насколько я помнила, взималась дорожная пошлина.

— Даже если нам придется брать плату за проезд, купцам может оказаться выгодно ездить через Серые Пределы, — сказала я. — Вопрос в том, сколько будет стоить восстановление.

— До верхнего поворота надо еще добраться, — заметил Роан. — Там склон самый неприятный.

Эрик уже стоял возле начала подъема.

— Я на прошлой неделе здесь ходил. Там кусок дороги сохранился почти целиком!

— Подожди нас.

Юноша остановился, но, пока мы складывали карту, успел пробраться немного дальше. Я услышала треск веток и его радостный возглас:

— Вот же, я говорил! Тут даже старый столб стоит!

Затем послышался странный шорох, похожий на звук рассыпающегося зерна. По склону покатились мелкие камни. Роан резко выпрямился.

— Эрик, назад!

Юноша обернулся. Земля под его правой ногой просела, и он потерял равновесие. Еще мгновение назад возле столба виднелся край тропы, а теперь от него отвалился большой пласт грунта. Эрик взмахнул руками, попытался ухватиться за молодой куст и вместе с ним съехал вниз.

— Роан!

Я бросилась вперед, однако Роан схватил меня за локоть.

— Стойте здесь. Земля ползет.

Сам он опустился на колени возле крепкой сосны и заглянул за край обвала. Я услышала голос Эрика, затем стук камней о стволы деревьев. Юноша сумел задержаться на узком выступе в нескольких шагах ниже дороги. Он лежал на боку, вцепившись в корни, торчавшие из земли.

— Ногу не чувствую! — крикнул он.

— Руками держись. Посмотри на меня. Земля еще сыплется?

— Немного.

Роан протянул руку за веревкой. Я поспешно сняла моток, который Эрик передал мне у мельницы. Пока Роан закреплял веревку вокруг сосны, я вглядывалась в склон. Ниже выступа, где оказался Эрик, земля уходила вниз почти отвесно. Там между камнями шумела вода.

— Я могу спуститься волчицей, — предложила я. — С другой стороны оврага склон положе.

— Вам придется потом поднимать его наверх. Здесь нужны руки. Останьтесь у дерева, следите, чтобы веревка не попала под падающие камни.

Роан обвязался и осторожно спустился к Эрику. Под тяжестью его сапог осыпалась земля. Он добрался до выступа, проверил, цела ли нога юноши, и помог ему обвязаться свободным концом веревки.

— Поворачивайся лицом к склону. Хорошую ногу ставь сюда. Молодец. Теперь держись за меня.

Я взялась за веревку, стараясь выбирать слабину. Эрик оказался достаточно легким и, несмотря на боль, сумел помочь нам. Роан подтолкнул его снизу, а я потянула веревку к дереву. Когда юноша добрался до края, я ухватила его за куртку и оттащила на безопасную часть дороги.

Обернувшись, я увидела, что Роан еще находился на выступе. Он собирался подниматься, когда откуда-то сверху покатился камень. Роан успел пригнуться, но камень вскользь ударил его по плечу. Мужчина качнулся, ударился боком о выступающий корень и на несколько мгновений повис на веревке.

Я вскрикнула. Он перехватился здоровой рукой, уперся сапогом в склон и продолжил подъем.

Когда мы наконец оказались втроем возле сосны, Эрик был белее мела. Он попытался подняться, поморщился и снова сел.

— Я ведь ходил здесь неделю назад, — пробормотал он. — Все нормально было.

— После этого три дня шел дождь, — ответил Роан. — Запомни на будущее. Дорогу надо проверять каждый раз, сколько бы раз по ней ни ходил.

Он присел перед юношей, ощупал его щиколотку и велел попробовать пошевелить пальцами ноги. Эрик подчинился. Похоже, перелома не было, однако наступить на ногу он пока не мог.

— А ваше плечо? — спросила я.

— До мельницы дойду.

— Я спросила, как плечо.

Роан словно только теперь вспомнил о собственном плече.

— Болит. Кость, кажется, цела.

Мы соорудили из найденной ветки подобие трости для Эрика, но вскоре выяснилось, что самостоятельно спускаться юноше слишком трудно. Пришлось помочь ему с двух сторон. Роан опирал его на здоровое плечо, я поддерживала с другой стороны. Возвращались мы медленно, несколько раз останавливались, чтобы дать Эрику передохнуть. На обратном пути он перестал оправдываться и только иногда спрашивал, сильно ли задержал нас.

У мельницы я усадила его на свою кобылу. Роан помог закрепить больную ногу так, чтобы она не болталась в стремени. При каждом движении его рубашка натягивалась на плече, и однажды я заметила темное пятно у воротника.

— Вы поранены.

— Обработаем в крепости.

— Дорога займет больше часа. Снимите куртку, я хотя бы посмотрю, насколько все серьезно.

Эрик неожиданно оживился.

— Лучше послушайся. Агна потом обоим достанется, если привезем тебя в крови.

Роан бросил на него выразительный взгляд, но куртку снял.

Камень распорол ткань рубашки на плече. Рана оказалась неглубокой, хотя края были загрязнены. Я усадила Роана на сухой пень, достала флягу с чистой водой и попросила Эрика подать мне кусок полотна из дорожной сумки.

— Можно было бы обойтись без такого приключения, — заметила я, промывая царапину.

— Согласен. В следующий раз возьмем Бьорна, он будет ругаться заранее.

Я осторожно отвела разорванную ткань. Под ключицей у Роана белел старый шрам. Мне хотелось спросить о нем, но я воздержалась. Мужчина сидел почти неподвижно, только иногда приподнимал голову, когда вода стекала ему под воротник. Его кожа была теплее моих замерзших пальцев, и я вдруг с необыкновенной ясностью почувствовала, насколько близко мы находились друг к другу.

Роан поднял здоровую руку, придерживая полотно возле раны. Наши пальцы соприкоснулись.

— У вас руки ледяные, Ирма.

— Зато теперь я знаю, почему Агна не отпускает вас из дома без перевязочного полотна.

— Обычно она добавляет к нему весьма подробные пожелания относительно моей дальнейшей судьбы.

Я засмеялась и закрепила повязку. Когда Роан поднялся, мне показалось, что он собирается что-то сказать, но Эрик как раз попросил помочь ему поправить стремена, и мы занялись лошадьми.

Обратно в крепость ехали долго. Я шла пешком, ведя Иву за поводья. Роан несколько раз предлагал поменяться со мной местами, но я отказывалась. Ему и без того было нелегко удерживать поводья раненой рукой.

Агна встретила нас во дворе. Осмотрела Эрика, посмотрела на повязку Роана и глубоко вздохнула.

— Троих отправляли, двоих привезли чинить. Хороший счет, госпожа Ларн. В следующий раз хоть сообщите, сколько места освобождать в лечебнице.

— Не ругайте его, — попросил Эрик. — Он из-за меня.

— Я пока никого не ругаю. Вот когда закончу осмотр, тогда начну. Слезай.

Роану досталось меньше, чем Эрику. Целительница осмотрела его плечо, обработала рану и наложила свежую повязку. Потом я принесла им горячую еду, которую Тильда оставила на плите. Эрик уже успел рассказать всю историю Бьорну, причем в его изложении обрыв оказался почти вдвое выше, чем был на самом деле.

— Еще два раза перескажешь, и с горы упадешь прямо в море, — заметил Бьорн.

Я оставила их спорить и вышла в коридор. Роан догнал меня у лестницы.

— Спасибо за помощь сегодня.

— Мы справились. Как плечо?

— До свадьбы заживет.

Я улыбнулась. Он тоже, однако на этот раз быстро отвел взгляд, словно неудачно пошутил. Мы оба вспомнили, что моя свадьба состоялась пятнадцать лет назад и совсем недавно перестала иметь какую-либо силу.

— Роан, могу спросить вас кое о чем?

— Спрашивайте.

— Вчера мы говорили о Лейфе и Эрике. Мне показалось, что вы хорошо знаете, каково им. Я не стала спрашивать об этом при других, но... Вы тоже не можете обращаться?

Он облокотился здоровым плечом о стену.

— Нет. Уже девять лет.

Меня поразила его спокойная готовность ответить. Наверное, он давно привык к подобным вопросам.

— Простите. Я не знала.

— Вам не за что извиняться.

— Это случилось на войне?

— В те годы. Долгая история, Ирма. Не для разговора в коридоре.

Я помедлила.

— Тогда не буду вас задерживать. Вам нужен отдых.

— И вам, кстати, тоже. Вы сегодня половину дороги пешком прошли.

— Мне пешие прогулки никто не запрещал.

— Вот и договорились.

Он ушел за курткой, оставленной в лечебнице. Я поднялась к себе, переоделась и только тогда обнаружила, что на ладонях остались красные полосы от веревки. Пришлось смазать их мазью, которую Агна принесла мне на случай мелких порезов.

В тот вечер я впервые за долгое время не открыла дорожную тетрадь. Села возле камина и долго смотрела на огонь, вспоминая Роана на краю осыпавшегося склона. Как он говорил с Эриком, как медленно поднимался по веревке, как отшучивался, когда я обрабатывала его рану. Я была рада, что камень задел только плечо. Гораздо больше рада, чем полагалось бы женщине, знакомой с мужчиной всего несколько дней.

Наутро я попросила Роана не сопровождать меня в очередной поездке. Он оспаривать это решение не стал, поскольку Агна пригрозила прийти к нему домой и лично проверить, лежит ли он в постели. Вместо него со мной отправились Торен и Хальмер, приехавший в крепость по своим делам. Мы побывали в Верхней Лощине, где нашли двоих плотников и человека, готового осмотреть мельничное колесо.

К вечеру следующего дня у меня имелось довольно ясное представление о том, какие работы необходимо выполнить в первую очередь. Полное восстановление старой дороги обошлось бы мне слишком дорого. Однако для начала следовало расчистить уцелевший участок, укрепить наиболее опасные места и обеспечить надежный проезд через реку. Если удастся привлечь хотя бы одного крупного торговца, заинтересованного в сокращении пути, можно будет договариваться об авансе за будущие перевозки.

В Верхней Лощине мне назвали имя Хельги Бранн. Ее обозы ходили между северными поселениями и южными городами, а сама она жила в торговом городке за перевалом. По словам местных, госпожа Бранн была женщиной деловой и могла заинтересоваться любым способом уменьшить расходы на перевозку товаров. Я решила написать ей, когда мы получим хотя бы предварительную оценку необходимых работ.

Оставалась еще проблема, с которой я столкнулась в каждой посещенной деревне.

Я завела отдельную страницу в тетради и записала имена оборотней, о которых мне говорили жители. Лейф, Эрик, старший сын одного из пастухов Верхней Лощины, две женщины из Нижних Ключей. Некоторые могли ходить в зверином облике до войны, другие утратили эту способность совсем молодыми. Не все желали обсуждать свои обстоятельства, поэтому я не расспрашивала настойчиво.

Одного из таких людей местная старуха назвала безлунным. Так иногда говорили об оборотнях, которые даже в самые светлые лунные ночи оставались людьми. В детстве я слышала это слово от старших братьев, когда они пугали друг друга историями о болезни, способной отнять звериную форму. На самом деле луна не управляла превращением, но старое поверье оказалось живучим. В некоторых родах безлунных опасались принимать даже в семью: считалось, что их беда может передаться детям.

Я никогда не задумывалась, каково человеку каждый день жить среди тех, кто считает тебя испорченным. Теперь, вспоминая лицо Эрика после насмешки подростка, я начала понимать, какой ценой ему давалось обычное желание стать горным проводником.

На тринадцатый день после развода я застала Агну в лечебнице. Она сидела за столом возле окна и разбирала мешочки с сушеными травами. Я помогла ей убрать на полки готовые сборы, а затем спросила, не сохранились ли у нее старые документы о работе госпиталя.

— О расходах на лекарства? — уточнила она.

— О пациентах. Особенно о тех, кто перестал обращаться после войны.

Агна отложила мешочек.

— Зачем вам?

— Хочу понять, почему здесь столько таких людей. Лейф, Эрик, Роан. В других владениях мне не доводилось встречать столько оборотней с одинаковой проблемой.

— В других владениях от них избавлялись. Здесь хоть жить дали.

— Как избавлялись?

— Одних отправляли к дальним родственникам, других лишали службы. Из некоторых родов люди сами уходили. Не слишком приятно годами слышать, что от тебя никакого толку.

Она вынула из ящика стола связку ключей и повела меня в соседнюю комнату. Там вдоль стены стоял высокий шкаф. Нижние полки занимали свернутые бинты, верхние — старые книги в потрескавшихся переплетах.

— Часть записей забрали, когда закрыли госпиталь, — объяснила Агна. — Эти оставили. Я в них потом кое-что дописывала, когда люди снова обращались ко мне за помощью.

Она достала две толстые тетради. На первой сохранилась выцветшая надпись с годом начала войны. Вторая была составлена позднее. Мы сели за стол, и Агна нашла несколько страниц.

— Вот Лейф. Ранение в бедро, выздоровел через два месяца. Сюда его привели уже после выписки, когда начались слабость и обмороки. Через несколько недель обнаружилось, что обратиться он больше не может.

Я прочитала запись. Рядом с фамилией стоял небольшой знак, похожий на перевернутую вилку, и две буквы, выведенные другими чернилами.

— Что означает эта отметка?

— Военная. Ее ставили еще при поступлении. В мои обязанности тогда входило следить, чтобы больные вовремя получали лекарства и чтобы в ранах не заводилась гниль. Военные бумаги заполняли другие люди.

Агна перелистнула несколько страниц и нашла имя Эрика. Я увидела, что он действительно попал в госпиталь ребенком. Ранение руки, длительная лихорадка, осложнения после лечения. Под записью снова обнаружилась такая же отметка.

— Эрик оказался здесь в десять лет, — сказала я. — Почему у него военная отметка? Он же не служил.

— Конечно, не служил. Их деревня тогда пострадала от войны, мальчика привезли вместе с остальными ранеными.

Мы нашли еще три записи о пациентах, чьи имена я слышала во время поездок. Двое получили ранения, у третьего вообще не было повреждений, которые могли бы объяснить утрату звериной ипостаси. И возле каждой фамилии стоял знакомый знак.

— А у Роана? — спросила я.

Агна покачала головой.

— Королевские записи хранились отдельно. Его привезли сюда уже после отречения.

Я осторожно придвинула книгу к себе. На соседней странице значилось имя женщины, поступившей в госпиталь с ожогами. Военной отметки возле него не было. Ниже находилась запись о мужчине с переломанной рукой. Тоже без отметки. Я попросила Агну вспомнить, могли ли эти двое обращаться после выздоровления. Женщина вспомнила обоих и уверенно ответила, что могли.

— Скажите, а кто именно в госпитале вел военные записи?

— Несколько человек. Большинство уехало, когда госпиталь закрыли. Из тех, кто остался, Нильс Ренн, пожалуй, лучше всех помнит старые порядки.

Я переписала знак в свою тетрадь. Пока у меня не было ни объяснения, ни доказательств того, что он имел какое-либо отношение к исчезновению звериной ипостаси. Но слишком уж точно совпадали записи, и особенно беспокоило меня имя десятилетнего мальчика.

За окном кто-то позвал Агну. Она поднялась, велела мне закрыть шкаф, когда закончу, и вышла из комнаты.

Я еще раз перелистала книгу. Девять лет назад, пока я ждала Дарена дома и радовалась каждому письму с границы, в этой крепости происходило что-то, о чем люди до сих пор предпочитали говорить вполголоса.

Теперь крепость принадлежала мне, а старые госпитальные записи лежали на моем столе. Я взяла чистый лист и начала переписывать имена.

Глава 4. Под каменными сводами

Наутро я отправилась искать Нильса Ренна. Агна объяснила, что он живет возле старой сторожевой башни, и предупредила, что с недавних пор у него завелась гусыня с отвратительным характером. Проходить во двор следовало через калитку со стороны огорода, поскольку главные ворота птица считала своей собственностью.

У огорода меня встретил сам Нильс. Он колол дрова, и некоторое время я наблюдала, как человек с тонкими, почти белыми пальцами без особого успеха пытался расколоть сучковатую чурку. В госпитале он наверняка занимался письменной работой. Даже теперь, после стольких лет деревенской жизни, в нем угадывался служащий, привыкший следить за чистотой рукавов.

— Госпожа Ларн? — спросил он, заметив меня. — Если вы насчет старого жалованья, мне ничего не должны. Я ушел со службы прежде, чем госпиталь закрыли.

— Я хотела бы узнать кое-что о вашей прежней работе. Агна сказала, вы вели военные записи.

Нильс воткнул топор в колоду.

— Давно это было. Не думаю, что сумею вам помочь.

— Мне нужна всего одна справка. В медицинских книгах встречается отметка, которую ставили рядом с именами некоторых пациентов. Возможно, вы помните ее значение.

Я показала ему рисунок из своей тетради. Нильс едва взглянул на него, но успел побледнеть. Потом принялся соскабливать с рукояти топора приставшую щепку.

— Госпожа, у военных свои обозначения. За девять лет они могли трижды поменяться. Лучше обратиться к тем, кто сейчас служит.

— Эти записи касаются людей, которые до сих пор живут в Серых Пределах. Вы наверняка знали кого-нибудь из них. Например, Лейфа, местного кузнеца. Или Эрика из Нижних Ключей.

При имени Эрика Нильс отвернулся. Из-за угла дома показалась девочка с пустым ведром. Он велел ей сходить к колодцу, дождался, пока она выйдет со двора, и заговорил тише:

— У меня жена и две дочери. Старшая нынче собирается замуж. Я давно оставил государственную службу и очень хотел бы прожить остаток жизни без неприятностей. Если господину Вельду понадобились старые госпитальные ведомости, пусть обращается в военное управление.

— Господин Вельд больше не имеет отношения к этим землям. И ко мне, кстати, тоже.

— Простите. Я не знал, как теперь принято о нем говорить.

— Как вам угодно. Но вас никто не просит передавать государственные документы. Мне хотелось понять, почему одинаковый знак стоит возле имен людей, утративших способность обращаться.

Нильс снял топор с колоды, прислонил его к стене сарая и только после этого ответил:

— Послушайте доброго совета, госпожа. Если вы приехали чинить дороги, чините дороги. У нас будет хоть какая-то польза. А госпитальные книги положите туда, откуда взяли.

В это время из-за сарая выбралась белая гусыня. Нильс машинально преградил ей путь ногой. Птица возмутилась, захлопала крыльями, и хозяину пришлось заняться ею. Я попрощалась и вышла через огород.

Нильс не сообщил мне ничего полезного, однако по дороге к крепости я обдумывала его последние слова. Причин опасаться расспросов у бывшего служащего могло быть немало. Меня насторожил его совет забыть именно о госпитальных книгах.

В крепости меня ждали плотники. Один из них, рыжебородый Свен, успел подняться на чердак западного крыла и нашел там целый штабель досок, оставшихся после неоконченного ремонта. Доски лежали в сухом месте и вполне годились для работы. Мы решили в первую

очередь закрыть отверстия в крыше над жилыми комнатами, а оставшийся материал сохранить для мельницы. Пока Свен объяснял, сколько времени потребуется, со двора донесся звонкий лай пса, и вскоре в кабинет вошел Роан.

— Мне разрешили встать с постели, — объявил он.

— Надеюсь, разрешение выдала Агна, а не вы сами.

— Она сказала, что если я еще день пробуду дома, то начну мешать соседям. Плечо почти не болит.

Свен, который слышал историю о падении Эрика, поинтересовался, не собирается ли Роан снова искать приключений на горной дороге.

— Сегодня займусь более безопасным делом. Бьорн попросил посмотреть, куда можно убрать его запасы зерна из нижних помещений. Сырость пошла по стене.

— Если не спешите, покажите мне потом крепость, — попросила я. — Я видела только жилые комнаты, а хотелось бы разобраться, чем еще мы можем пользоваться.

— Покажу. Только захватите свечи. В старых коридорах светильников давно нет.

После ухода плотников я достала карту и письма, которые привезла с юга. В земельной грамоте Черный Клык был описан весьма приблизительно. Государственное хранилище занимало северное подземелье и имело отдельный вход со двора; все прочие помещения, кроме караульной комнаты при хранилище, передавались мне. Агна дала ключи от жилых комнат и кладовых, а где находились остальные, никто толком не знал. Бывший управляющий оставил после себя небольшую связку с десятком одинаковых на вид ключей. Я решила начать с нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.